

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

НЕБЕСНЫМ РАДУЮСЬ
ДАРАМ

* * *

Не объявшая холодом город,
а та,
что серебряным светом стекла с небосвода, —
в нескончаемых
окнах
сквозит немота
первых дней незнакомого — нового — года,
проступившего сквозь високосную тьму
(был и свет,
от которого... тоже знобило):
он готовится к первому Слову — к тому,
что вначале —
родное, бессмертное —
было.

ПЕРМИНОВ Юрий Петрович родился в 1961 году в Омске. Автор шести книг и многих публикаций в журналах "Наши современники", "Москва", "Роман-журнал XXI век", "Новая книга России", "Север", "Сибирские огни", "Алтай", "Простор". Член Союза писателей России. Главный редактор газеты "Омское время".

* * *

Земной — небесным радуюсь дарам...
Вот почему,
    когда
    (ещё ни разу
не злился!)
    дворник будит по утрам,
я благодарен дворнику Ниязу.
Он стал настолько местным, что уже
не душит — не беспочвенная! — злоба
живущего на первом этаже
зашитого от водки
    ксенофоба.

Всегда бы так —
    по крови не родным —
встречать рассветы нам: по-человечьи,
когда о том, что тесно под одним
на всех бессмертным
    небом,
    нет и речи.
Так почему бы — вовсе не родне —
нам, смертным, не порадоваться разом
дарам небесным?
    В целом — жизни? —
    Мне
и ксенофобу с дворником Ниязом...

* * *

Старик всегда встаёт ещё до солнышка —
со вздохом,
    замирающим в устах.
Живёт один: друзья его
    и жёнушка-
лебёдушка — давно
на небесах.

Растил детей, да где они? Отечеству
служил,
    греха не ведал за собой...

Не охладел он сердцем к человечеству,
но люди в целом — кажутся толпой.

И, выбрав жизнь по дням-крупичам дочиста,
ещё идёт он, старче, по тропе
судьбы немолчной...
    Чувство одиночества
острее ощущается в толпе.

* * *

Из Сибири в солнечную Азию
улетают пасмурно скворцы...

Мама заготавливает на зиму
перцы, помидоры, огурцы...

— Солнышко моё, не беспокойся, не
надо, коль неможется...
Она

говорит:
— До следующей осени
доживу, сыночек мой, — должна! —
чтобы снова к зимушке готовиться...

Выбелит опавшую листву
изморозь под окнами...

Бессонница...

— Доживу, сыночек, доживу...

У НАС...

Гулял всю ночь — домой вернулся целым
и невредимым...

Чаю под рассвет
попил...

У нас, в отличие от центра,
своих не бьют,
чужих, похоже, нет.

Зло не пристало к нашему посёлку:
без доброты нам — жителям — никак...

Собаки наши — добрые, поскольку
других у нас не водится
собак.

В мороз — тепло, в жару у нас — не душно.

У нас — как воплощенье
естества —
всегда жила церквушка, потому что
здесь не было не помнящих родства.

* * *

С чего приуныл, гастарбайтер? Похоже, на шее —
семья,
а семья — это, в целом, почти что кишлак...

С таким вот Наврузом — давно это было — в траншее
курили на пару мы злющий солдатский табак.

Давно это было, но — было...

Сейчас бедолагу
почти не узнать...

Неужели — тот самый Навруз?
Не ты ли, со мной — русаком — принимая присягу,
покаялся — Джафар? — защищать нерушимый Союз
республик свободных?..

Сейчас ты об этом не вспомнишь...
Кем стали —
к чему нам утаивать шило в мешке? —
присягу нарушив? —
Ты — “чурка”,
я — “русская сволишь”.
Но... нечего делать, Навруз,
мне в твоём кишлаке...

* * *

Запахнута, как душегрейка на вырост,
заря на окраинном тихом леске.
Смирненно вдыхает предзимнюю сырость
посёлок, живущий в любви — и в тоске.

Мы зубы по новым законам на полку
кладём,
но любовь нам Всевышним дана
для жизни...
Из шумного центра к посёлку,
и к русскому небу — дорога одна.

* * *

Молчит о чём в автобусе вечернем —
о том, что ждёт, не ждёт ли, впереди? —
девица с парнем, бабушка с печеньем,
кондуктор с тощей сумкой на груди,
хмельной мужик, партиец чей-то с пачкой
листочков (он протестами пропах)?
Молчит гражданка с комнатной собачкой,
молчащей у гражданки на руках.
Молчит абрек суровый — губы в жире
от шашлыка... Молчит юнец, жуя
резину...

Нынче в каждом пассажире
родного человека вижу я.
Пусть век наш громкий сжалится над ними,
вдохнёт в молчащих бодрости заряд...

Надеюсь, что останутся родными
они потом. Когда заговорят.

* * *

Не сумели в оборот мою
черти душу взять...
Спою
песню — русскую народную —
“Светит месяц...”, как свою.

Месяц в небе — словно печево.
Снова песню затыну...
Мне делить с народом нечего —
что со мной делить ему?

Спел, как мог.
И — тихо в комнате.
И в посёлке. В общем, тут —
дома...
В нашем тихом омуте
черти долго не живут.

* * *

Мухи летают, рождённые гадить, как пули...
Только и слышно:
о ценах, долгах, о погоде...
Где благолепие сущего? — Не во саду ли,
что возле дома? Точнее сказать, в огороде.

Там — в огороде — съедобная зелень
на зависть
агрочучмекам,
которым — что “сикось”, что “накось”,
лишь бы навар...

Алкаши торжествуют, позарясь
на дармовую, по их разумению, закусь.

Ша, куршавели, рублёвские фифы да ницы! —
Жданки проели мы, вот и живём на полушку,
но и от слез на клочках огородной землицы —
возле “хрущоб” — зеленеет родная петрушка!

* * *

Когда притащат на шемякин суд,
я так скажу: “Не взять меня — живого! —
в Любви одной
увидевшего суть
того, чем жив.
И в корочке ржаного”.

Я дни свои не складывал в уме
и на бумаге — стопкой на комод.
Кто выжил на свободе, как в тюрьме,
тот проживёт в тюрьме, как на свободе.